

СОДЕРЖАНИЕ И ПРОСТРАНСТВО ЗАПОВѢДИ: „НЕ ПРЕЛЮБОДѢЙСТВУЙ“.

(По поводу замѣчаній П. В. Тихомирова) ¹⁾.

Я не могу не быть чрезвычайно благодаренъ профессору П. В. Тихомирову за трудъ отвѣта на мои сомнѣнія касательно содержанія и пространства VII-ой заповѣди. Слабую надежду на отвѣтъ я питалъ со стороны проф. Н. А. Заозерскаго. Но, разумѣется, который бы изъ авторитетныхъ ученыхъ мнѣ ни отвѣтилъ,—все равно. Меня поразили, еще года два назадъ, слова проф. Заозерскаго, высказанныя въ „Богосл. Вѣстникѣ“ въ критикѣ книги моей „Въ міръ неяснаго и нерѣшеннаго“. Тамъ высказано мною было предположеніе, что Завѣты первый и второй (ветхій и новыі) не расходятся-ли между собою въ отношеніи къ наличному біологическому факту размноженія человѣческаго, ибо несомнѣнно законодательно-религіозное отношеніе къ этому факту евреевъ библейскихъ и наше христіанское—расходятся. Тогда онъ меня укорилъ, что я „не помню VII и X заповѣдей, которыя одинаково признаются божественными заповѣданіями и въ Ветхомъ Завѣтѣ и въ Новомъ, у христіанъ и у іудеевъ; и вотъ ихъ-то присутствіе и связуетъ въ одинъ непрерывный законъ оба завѣта“. Затѣмъ идетъ у него хвала заповѣди размноженія, и ссылка на то, что всѣ знаменитые теоретики юриспруденціи и государственности не отрицаютъ, что относящіяся сюда стихи 1-ой и 2-ой главъ Бытія составляютъ истинное основаніе человѣ-

¹⁾ См. въ 12 кв. „Богослов. Вѣстн.“ за 1904 г. статью: „Къ истолкованію Исх. 20, 14“.

ческихъ институтовъ брака, семьи; и черезъ 'нихъ — всего вообще социально-историческаго строя народовъ.

Не могу выразить всего моего изумленія при чтеніи этого отрывка. Объясню все дѣло сравненіемъ. Существуетъ-ли и признается-ли въ монастырѣ VII заповѣдь? Существуетъ и признается. А у мірянъ? Конечно, тоже. И въ томъ самомъ смыслѣ, какъ она признается въ монастырѣ, безъ всякаго итога ея толкованія? Ну, конечно, монастырь не имѣетъ *своихъ толкованій* на VII заповѣдь, и признаетъ принятія во всемъ христіанскомъ мірѣ. Доселѣ—теорія; доселѣ—слова. Указуя на эту-то теорію и слова мнѣ, проф. Заозерскій и говоритъ: „что же вы толкуете, будто-бы завѣты расходятся, когда и составъ заповѣдей и подразумѣваемо, истолкованіе ихъ, одно для новозавѣтныхъ людей и для ветхозавѣтныхъ“.

Явно, что вовсе не присутствіе „VII“ и „VII“, „X“ и „X“, „не прелюбодѣйствуй“ и „не прелюбодѣйствуй“—сливало бы два міра, нашъ и ихъ. А именно только *перечень вещей*, кратко обозначенныхъ цифрою или словомъ, „VII“ или „не прелюбодѣйствуй“. Это какъ чемоданъ, который сдается въ багажъ. На него выдается багажная квитанція со знаками: „одно мѣсто, два пуда, въ Москву“. „Не прелюбодѣйствуй“ или „VII“ весьма похоже для насъ, читателей, на этотъ общій и указующій знакъ багажной квитанціи. Случилось (въ исторіи) такое несчастіе, что самый чемоданъ какъ будто затерялся, и мы, читая знаки въ квитанціи, вовсе ничего не знаемъ о томъ, что-же именно за драгоценности были заключены въ чемоданъ? „VII“, „не прелюбодѣйствуй“ обязательны для пророка Давида и меня: но пророкъ Давидъ имѣлъ семь женъ, а если бы я повѣнчался и притомъ разомъ съ семью женами, то меня послали бы въ Сибирь. Кто сослалъ бы? Да люди, читающіе псалтирь, зажигающіе въ храмахъ свѣчи передъ изображеніемъ пророка Давида и буквально не имѣющіе о бракѣ никакихъ другихъ священныхъ словъ, чѣмъ какими руководился и псалмопѣвецъ: „плодитесь, множитесь, наполните землю“, „не прелюбодѣйствуй“, „не пожелай жены ближняго твоего“. Престоль и—Сибирь! возведеніе въ сонмъ святыхъ и—кошунство (многоженство у насъ наказуется какъ религіозное кошунство)! Ну, если это *одно и то же*, то и я соглашусь и возьму всѣ

слова свои объ опасныхъ расхожденіяхъ—назадъ... Ибо не только я, но и всякій понимаетъ, что это „расхожденіе“ было бы чрезвычайно опасно и чревато послѣдствіями...

Почему же *мы* и пророкъ *Давидъ* живемъ не *одною жизнью*, имѣя *одну заповѣдь*? Да очевидно, что содержимое „потеряннаго въ исторіи чемодана“ казалось ему — однимъ, а намъ—почти противоположнымъ. Кто однакоже правъ! Никто не смѣетъ перечить пророку Давиду. Сказать, что онъ не умѣлъ прочесть и понять: „не прелюбодѣйствуй“—не возможно. Мы (всѣ европейцы, всѣ христіане) люди другой *дальнѣйшей* отъ первоисточника (законодательство Моисея) эпохи, другой *крови и костей*, чѣмъ какія приняли, постигли и понесли въ міръ: „не прелюбодѣйствуй“; мы—вовсе иного духа и цивилизаціи. Такимъ образомъ у насъ *бездна возможностей не понять* обстоятельствъ, *препятствующихъ* здравому пониманію данной заповѣди, какъ и всего вообще законодательства Моисея. Вотъ отчего я позволилъ себѣ, при истолкованіи VII заповѣди, обратиться къ Талмуду; вѣдь онъ составлялся во всякомъ случаѣ благочестивѣйшими людьми Ветхаго Завѣта; людьми *сплошного, непрерывнаго духа и настроенія общественнаго строя* отъ временъ Моисея, Аарона и пророковъ. Это все равно какъ если бы Гриммы изучали наши былины, нашу народную пѣсню: много бы любопытнаго о нихъ они сказали міру; но *затѣмнаго, святого, интимнаго*—они и не почувствовали бы въ ней, и міру о ней повѣдать не смогли бы. Для этого нужно было былинѣ попасть въ руки Буслаеву. Такъ и вся библейская жизнь, все ихъ таинственное „писаніе“ и въ его составѣ насъ занимающее: „не прелюбодѣйствуй“. Если Давидъ и мы такъ не одинаково понимали эту строку, то очевидно Давидъ понималъ ее истиннѣе насъ; также составители Талмуда были ближе къ „святому, внутреннему, интимному“, что содержится вообще во всякомъ человѣческомъ словѣ и несомнѣнно лежитъ въ этомъ направляющемъ: „не прелюбодѣйствуй“. Сознаюсь, что Талмудомъ я воспользовался ничтожно и небрежно: нужно имѣть снисхожденіе къ журвалисту, а не тихому и уединенному академику. Ему спѣшить некуда, а мы, журналисты,

И жить торопимся, и чувствовать спѣшимъ.

И вовсе это не по своей волѣ, не вслѣдствіе ея одной.

И вовсе это—не безъ нѣкотораго результата. „Въ дому Отца нашего—обителѣй много“...

Мнѣ кажется, уже послѣ этого общаго очерка дѣла, и до разбора его подробностей, о которыхъ — ниже, проф. П. В. Тихомировъ согласится, что нужно ограничить его общее резюме.

„Послѣ приведенныхъ справокъ и сопоставленій едва ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе насчетъ того, что именно запрещается 7-ю заповѣдью Моисеева Закона. Торжество г. Розанова надъ проф. Заозерскимъ ¹⁾ безусловно преждевременно. *Прелюбодѣянiемъ въ библейскія времена называлось тоже самое, что называется этимъ именемъ у насъ*“ (курс. проф. Тихомирова).

Ну, конечно — не то же самое! не тѣ же самыя вещи! не *реестръ*, не *перечень* ихъ! не тоже *содержимое* таинственнаго чемодана съ квитанціей о немъ: „Москва. Два пуда“.

Перехожу къ подробностямъ. Я уже сказалъ, что Талмудомъ слѣдуетъ воспользоваться тщательно для раскрытія точнаго содержимаго VII-ой заповѣди. Мнѣ, при сплошномъ чтеніи Талмуда, показались любопытными въ свое время многіе мѣста, и я замѣтилъ страницы томовъ, съ отмѣткой о содержаніи ихъ. А когда писалъ статью „Среди обманутыхъ и обманувшихся“, то взялъ крошечку изъ этихъ мною помѣченныхъ ранѣе мѣстъ. Тому, чему я посвятилъ часть, ученый посвятилъ бы годъ. Но это—дѣло будущаго. Найдя одно мѣсто въ Талмудѣ со ссылкой „айлонитъ (уродецъ) и есть та блудница, о которой сказано въ Торѣ“ (т. е. на пространствѣ всей Торы говорится), я соглашаюсь, что торопливо и неосторожно, допустилъ себя отождествить вообще все пространство и объемъ содержащагося въ VII заповѣди съ ненормальными половыми отношеніями. Но, признавшись

¹⁾ Послѣдніе труды его, въ декабрьской и двухъ предшествующихъ книжкахъ „Богословскаго Вѣстника“, вызываютъ къ нему самую глубокую привязательность со стороны всѣхъ русскихъ семейныхъ людей. Здѣсь считаю долгомъ извиниться какъ передъ нимъ за неправильное названіе его имени („А.“ вмѣсто „Н. А.“), такъ и передъ уважаемыми профессорами Глаголевымъ и Муретовымъ, имена которыхъ въ оглашеніи одной давней статьи я перепуталъ. Причина—пользованіе памятью, весьма слабою въ оглашеніи именъ, и за неимѣніемъ подъ рукою соотвѣтственныхъ книжекъ „Бог. Вѣстника“.

въ торопливости и неосторожности, я сошлюсь и на нѣкоторое для этого право: касаясь чрезвычайнаго разнообразія темъ, конечно—не имѣешь силы и времени погружаться подробно въ каждую, но замѣнить этого однако вырабатывается у журналиста можетъ быть не всегда присущая ученому или не всѣмъ ученымъ присущая способность схватывать особую цѣнность предметовъ, словъ, понятій, темъ, вопросовъ и т. д. Публицистика имѣетъ конечно страшныя недостатки (которыя—всѣ поправимы при скромности), но и несомнѣнныя преимущества чисто даже въ философскомъ или въ научно-философскомъ отношеніи. Мнѣ кажется, сказавъ: „VII заповѣдь, отъ Бога вышедшая, не можетъ идти на встрѣчу Божіему же заповѣданію: плодитесь, множитесь, наполните землю; т.-е. она не можетъ содержать въ себѣ ни малѣйшей тенденціи къ ограниченію плодородія“, сказавъ это, мнѣ думается, я указалъ всякому пытливому уму довольно правильную исходную точку для разысканій относительно того: чтó же именно запрещено этой заповѣдью? Вспомнимъ *натуральный* плачь Толстого, въ „Крейцеровой сонатѣ“, о „мѣрахъ, чтобы не забеременѣть еще“, какія „по совѣту мерзавцевъ докторовъ начала принимать моя жена“,—и затѣмъ стала „толстѣть, веселѣть, хорошѣть и склоняться къ флирту“. Въ Толстомъ, я сказалъ, это—не евангельскій гнѣвъ, а всемірный, *натуральный*, *апріорный*. Такъ все человѣчество чувствуетъ,—гадость къ этимъ „мѣрамъ“ и вообще ко всему отступающему отъ нормы, отъ „богоучрежденности“ въ важномъ кругооборотѣ произрастанія потомства. И раньше, еще гораздо раньше чтенія Талмуда, обдумывая, чтобы могло содержаться въ VII заповѣди, я 1) прямо не хотѣлъ думать, что тутъ ограничивается чадородіе, а 2) вспомнилъ этотъ инстинктъ всеобщаго отвращенія вообще къ *искусственнымъ* половымъ возбужденіямъ. Вся глава Бытія объ *Онанѣ* и о *содомянахъ*, съ *смертью* (страннымъ наказаніемъ) для одного и для другихъ, говоритъ, что Божіе прещеніе совпадаетъ съ непобѣдимымъ человѣческимъ отвращеніемъ. „Айлонить“ р. Іуды только толкнуло меня, дало слово въ руки. „Вотъ это что: это—половые раздраженія природно неспособныхъ къ нормальнымъ отношеніямъ“. Вѣдь, если разсматривать природный порядокъ вещей, такъ сказать начать мысленно возстановлять исторію, то ранѣе *Онана* существо его про-

ступка (безъ заключительнаго момента) долженъ былъ совершить какой-нибудь отъ болѣзни или другой причины случайно оскопившійся человекъ. При полной невозможности правильнаго акта,—онъ пылаетъ страстью (какъ и наши скопцы). Въдъ страсть—въ крови, а не органахъ. Скопцы на радѣнїяхъ своихъ (гдѣ участвуютъ и женщины) безспорно отвратительно развратничаютъ. Это (мнѣ говорили) знали римскїя женщины, времянъ послѣдняго упадка нравовъ, когда сожителство съ эвнухами они предпочитали сожителству съ здоровыми и цѣльными гражданами. Не въ одной которой - нибудь статьѣ Моисеева законодательства, но черезъ все это законодательство проведена мысль, требованіе цѣльнаго организма, не поврежденнаго и не больнаго. Цѣлень священникъ, цѣльна жертва. Все цѣльное — угодно Богу, не цѣльное—противно Ему. Скопцы, случавшіеся и въ Израилѣ (конечно, не самопроизвольные), должны были, приходя въ храмъ, не „являться передъ Господа“, какъ остальные всѣ мужескаго пола, а — отбирать изъ дровъ, предназначаемыхъ на жертвенникъ, тѣ полѣнья, въ которыхъ встрѣчался загнившій сучочекъ. Таковое „гнилое дерево“, „грѣшное дерево“, „противное дерево“ не должно было бросаться въ святой огонь жертвенника: оно осквернило-бы его! Вотъ и въ бракъ было или я предположилъ тоже: плодородіе—угодно Богу! Въ какой угодно мѣрѣ—угодно же, это истолковали жизнью своею Іаковъ, Авраамъ, Моисей, Давидъ, Соломонъ, пророки и священники. Но что же такое „VІІ“ и „не прелюбодѣйствуй“. Соотвѣтственно этому направленію и составу законодательства, я предположилъ, что и здѣсь сказано: „не бросай гнилого на жертвенникъ“, и не подпускай хромого (о священникахъ) къ жертвеннику“: или—„не вводи въ семью твою, въ супружество твое гнилого или изломаннаго полового акта“. Все это было очень правдоподобно для меня подумать. Я сказалъ, что первое уродство полового акта идетъ отъ физическаго уродца, но затѣмъ это уродство начинаетъ нравиться и здоровымъ. Вспомнимъ римлянокъ. Такимъ образомъ если напр. „айлонить“ по практикѣ полового брющенія, полового возбужденія, „есть та самая блудница, о которой говоритъ Тора“ (слова равви Іуды), то это нисколько не опровергнется тѣмъ, если слово „блудница“ и въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ оно употреб-

лено относительно „айлонить“—будетъ примѣнено къ женщинамъ, способнымъ къ беременности и вообще цѣльнымъ и здоровымъ. Большинство примѣровъ употребленія слова „блудница“, какіе привелъ П. В. Тихомировъ (стр. 766 и 767), относятся къ здоровымъ и цѣльнымъ женщинамъ, и онъ привелъ ихъ, чтобы доказать, что „не уродцы именовались блудницами“. Но это также мало опровергаетъ мою гипотезу (по-моему—теорію, ибо я исхожу изъ точной ссылки на еврейскій авторитетъ), какъ и то, если бы кто-нибудь сказалъ, что „госпожа Позднышева и самъ Позднышевъ не предавались грѣху Оана, ибо не читали они Библии, Оану не подражали, да и имѣли въ свое время дѣтей“. — „Богъ, видящій явное, видитъ и тайное“, отвѣчу я. Позднышевы руководились тѣмъ самымъ нежеланіемъ, какимъ толкался Оанъ къ своему гнусному поступку (нежеланіе плодородія), и повторили этотъ же самый проступокъ, хотя можетъ быть и видоизмѣнивъ его способъ примѣнительно къ своимъ. ставшимъ извращенными, вкусамъ.

Г—въ Л. И. въ статьѣ „О христіанскомъ бракѣ“, напечатанной лѣтъ пять назадъ въ одной изъ книжекъ „Богословскаго Вѣстника“, сообщаетъ: „Однажды я читалъ чинъ исповѣди мірянъ по очень старинному (замѣтьте!) требнику. Въ немъ мое вниманіе невольно остановили грѣхи противъ седьмой заповѣди, какіе совершали міряне въ то время (несомнѣнно, до Петра Великаго, до сближенія съ Европою и ея вліянія, среди быта спокойнаго, тихаго и, по внѣшнему колориту, да даже и по внутреннему содержанію, весьма благочестиваго. В. Р.). Здѣсь упоминался грѣхъ нарушенія супругами супружеской вѣрности, далѣе перечислялись такія формы этого грѣха, какія безъ толковника или книги не только понять, но и представить невозможно. Человѣкъ погружался въ такую бездну паденія, глубже которой уже нельзя и измыслить. Какъ будто бы въ это время духъ лукавый руководилъ человѣкомъ, а не самъ человѣкъ являлся творцомъ своихъ ужасныхъ и омерзительныхъ грѣховъ. Оказывается, что не только эти грѣхи возможны и мыслимы для семейныхъ людей, но и весьма часто въ дѣйствительности совершаются ими и даже, можетъ быть, они въ данномъ случаѣ не особенно много уступаютъ людямъ неженатымъ“. Замѣтьте, все это въ тихомъ московскомъ быту.

Что можетъ быть неправдоподобнѣе, чтобы измѣна жены правилась мужу: между тѣмъ отъ двухъ разныхъ священниковъ мнѣ пришлось выслушать одинаковый разсказъ, „выслушавъ который, я впервые понялъ и непостижимые дотолѣ для меня поступки семейныхъ людей, которыхъ былъ самъ свидѣтелемъ очевидцемъ: что мужъ, и притомъ богатый, не нуждающійся, открывалъ жену свою постороннимъ, склонялъ ее не противиться этому и наконецъ требовалъ подъ угрозю, что въ противномъ случаѣ и онъ самъ прекратить съ нею какія-либо отношенія; при чемъ, когда жена подавалась (вѣдь и у нея могутъ быть извращенія), мужъ всякій разъ начиналъ тѣмъ горячѣе привязываться къ ней, духовнѣе тѣснѣе содружествовать, „открывая ей всю душу“ и отъ нея принимая всѣ „признанія“, чѣмъ она глубже и дальше шла по открытому имъ пути. И, наконецъ, содружество это переходило (по истеченіи многихъ лѣтъ супружества, когда для всѣхъ прочихъ начинается нѣкоторое охлажденіе) въ живѣйшую страсть со стороны мужа, когда никакой вѣрности ему болѣе не сохранялось и онъ былъ только зрителемъ и выслушивателемъ безсчетныхъ и постоянныхъ „падений“ жены своей: тогда то и наступало время, что онъ не могъ жить безъ нея, какъ и она клялась не пережить его, и все у нихъ было общее, совѣтъ, намѣренія, какъ бы одна душа и одна совѣсть, безъ способности надолго разстаться, начать жить въ разныхъ квартирахъ или городахъ. Поразительность еще болѣе увеличивалась тѣмъ, что онъ начиналъ скучать, какъ бы лишаясь собственной любви, какъ бы вдовѣя и похоронивъ „подругу юности своей“—всякій разъ, когда она передыхала, успокоивалась, становилась нормальною. И веселѣлъ, какъ бы найдя любовь свою, когда она опять готовилась къ вылету. Все это до того непостижимо, до того противорѣчитъ всему намъ извѣстному въ данной области, что умъ теряется, а сердце впадаетъ въ тревогу... Изъ объятій другого, сейчасъ и во-очію, за часъ, за два,—она садилась къ мужу на руки, какъ мотылекъ на цвѣтокъ; и онъ бережно и съ невыразимой нѣжностью держалъ ее на рукахъ, какъ этого въ другое время, въ иные дни и недѣли, не случалось. Умъ теряется, сердце тревожится. Ничего не постигаемъ. Одно постигаемъ мы: отсутствуетъ „ratio“, какой-либо ходъ выводовъ и умозаключеній,

Нѣтъ болѣе никакихъ „аксіомъ“, никакихъ „опредѣленій“ и никакой возможности построения „теоремъ“: обычной конструкции всего научнаго! Еще и далѣе—но это уже послѣдній шагъ постиженія—догадываемся мы: что вѣдь и въ самомъ дѣлѣ если „тайну жизни постичь нельзя“, то очевидно, что и отношенія половъ, изъ которыхъ „рождается эта „тайна жизни“ (младенецъ), мы также постичь не можемъ ни черезъ какой возможный приемъ философіи и науки!

Прерываю. Но во всякомъ случаѣ для проф. П. В. Тихомирова должно быть очевидно, что колеблются и два его вывода: „никакой невозможности сопряженія, оплодотворенія и даже дѣторожденія у прелюбодѣицъ и блудницъ, вопреки фантазіямъ г. Розанова, не содержится“ (стр. 772); и въ другомъ мѣстѣ то же *resumé*: „сведеніе прелюбодѣянія къ природной осклопленности и невозможности совокупленія и оплодотворенія есть совершенно фантастическая затѣя г. Розанова, не имѣющая для себя ни малѣйшаго подтвержденія въ Библии“. Между тѣмъ въ выдержкѣ, изъ моей статьи приведенной имъ, сказано: „Есть стволъ прелюбодѣянія, невозможность сопряженія, и около его есть свои листья (боковые пути, филиальныя отдѣленія): и всѣ (вообще) мужеженскія отношенія, ведущія къ безплодію или уменьшенію (слышите-ли: только „уменьшающія“, т.-е. когда длящееся плодородіе женщинъ—блудницъ есть на лицо!!), плодородія, уже также называются *блудомъ*, при чемъ онъ равно можетъ быть совершаемъ по заключеніи законнаго брака, какъ и внѣ его“. Только (и тутъ—моя торопливость, моя вина) при послѣдующемъ исчисленіи „уменьшающихъ плодородіе условій“ я остановился на одномъ: запрещеніи половыхъ отношеній въ дни очищенія, когда я долженъ былъ привести и тѣ другія, указанныя проф. Тихомировымъ, обстоятельства уменьшенія плодородія, которыя онъ преимущественно или исключительно почти, примѣняясь къ нашимъ понятіямъ, называетъ „прелюбодѣяніемъ“.

Но эти „наши понятія“ совершенно и притомъ губительно ложны! „Прелюбодѣяніемъ“ мы именуемъ одинаково: 1) рожденіе дѣвицею младенца, 2) рожденіе вдовою младенца, 3) рожденіе младенца дѣвицею или вдовою отъ женатаго челоуѣка и 4) половое общеніе замуужней женщины съ не мужемъ (послѣднее—наиболѣе покровительствуемое закономъ,

притомъ не однимъ свѣтскимъ, но и духовнымъ — ибо съ духовной стороны никогда протестовъ не было противъ того, чтобы бѣжавшая отъ мужа къ возлюбленному жена записывала рождаемыхъ (ею дѣтей на имя мужа и слѣд. вообще считалась „не прелюбодѣницею“). Уже изъ этого „уравненія въ прелюбодѣяніи“ усматривается, что черный звѣрь, котораго хочется застрѣлить „нашимъ понятіямъ“, лежитъ просто и ариѳметически... въ получаемомъ удовольствіи!.. Такой сущій бѣднякъ этотъ звѣрь. Дѣвица должна, по ея положенію, проходить жизнь безъ соотвѣтствующихъ „удовольствій“ (простите за цинизмъ рѣчи: но онъ—необходимъ, ибо цинично самое дѣло и самый отправной пунктъ „нашихъ понятій“): но она „впала въ удовольствіе“:—„виновна! прелюбодѣвица!“ Положимъ ей 23, 26 лѣтъ, и уже давно (по моему понятію, да кажется, и библейскому) ей пора имѣть дѣтей, она обязана къ материнству. „Все равно нѣтъ пощады! прелюбодѣвица, смерть ей“ (вѣдь сколько топятся, убиваются, и что въ томъ, что не нашими руками, а собственными!). Тоже о вдовахъ, дебѣлыхъ, 33 — 35. „Могли-бы не имѣть удовольствія, а получили: смерть!“ Оставляю въ сторонѣ всѣ сложныя разсужденія, что вѣдь муки физическаго рожденія, болѣзнь, возможность смерти—слишкомъ уравниваютъ и даже перевѣшиваютъ, можетъ быть краткотечное удовольствіе (мнимаго) паденія. Мужъ, кромѣ допущеннаго „удовольствія“ съ женою, вздумалъ его удвоить: „прелюбодѣй“—же! Между тѣмъ исчисленныя три категоріи, т.-е. почти весь стволъ именуемаго у насъ „прелюбодѣяніемъ“, въ Ветхомъ Завѣтѣ никогда прелюбодѣяніемъ не назывался и VII-ю заповѣдью безспорно не запрещался: не станетъ этой очевидной истины оспаривать г. Тихомировъ. А запрещалось VII-ю заповѣдью и осуждалась жесточайшимъ образомъ пророками, законодателемъ, цѣлымъ народомъ и всѣмъ его духомъ единственная категорія прелюбодѣянія, хотя формально и у насъ запрещаемая, но законами и администраціею могущественно покровительствуемая: половое общеніе замужней женщины съ не мужемъ. Бл. Августинъ, Ерма въ „Пастырѣ“, „Уставъ дух. консисторій“ и „Сводъ законовъ“ за таковую—горой, и показываютъ языкъ мужу, который вздумалъ-бы жаловаться: „жену у меня украли!“ „жену у меня сманили!“ „жена привела въ домъ ко мнѣ любовника!“ „жена — не чистая жен-

щина у меня, порочить мое сѣмя поведеніемъ своимъ“. Всего съ мѣсяць назадъ мнѣ пришлось выслушать плачущій разсказъ отъ тверскаго крестьянина, работающаго портнымъ въ Петербургѣ, который за 20 лѣтъ супружества такъ и не соединился съ женою: въ самый-же день вѣнчанія она, въ отвѣтъ на его поздравленія, отвернулась съ насмѣшкою, оттолкнула—когда новобрачный подаль ей шубу, и согласилась поѣхать въ его домъ только съ теткою, съ которою и спала эту и ближайшія ночи, а затѣмъ, вернувшись къ родителямъ, ей покровительствовавшимъ, стала ходить къ красивому двоюродному брату, съ которымъ давно жила. Плача говорилъ мужикъ - портной: „она пала должно быть лѣтъ около 12;“ „моей невѣстой она сказала сама, что не только меня считать своимъ мужемъ не можетъ, но и *никого*, ибо такое у нея нетерпѣніе, что не можетъ она не отдаться тому мужчинѣ, который ей приглянется очень“, „родители только упрасивали ее хотъ постоять подъ вѣнцомъ: а затѣмъ и сами, вызывая меня на скандалъ, только ожидали повода заявить требованіе объ отдѣльномъ видѣ на жительство“; „на слова тещи: да дочь моя не любитъ васъ и оставьте ее въ покоѣ—я, въ полномъ недоумѣніи о своемъ положеніи,—далъ ей по уху, и затѣмъ побилъ всѣхъ въ дому, а жену взялъ насильно домой, но на другой день опять она убѣжала къ матери“. И проч. И что-же, ни въ комиссіи прошеній, ни въ духовной консисторіи, ни въ судѣ — онъ не добился ничего; а паспортъ на отдѣльное жительство (было это лѣтъ 10 назадъ) у него вымучила полиція, засадивъ несчастнаго въ холодную, и сказавъ, что онъ не выйдетъ изъ нея, пока не подпишетъ согласія на выдачу ей отдѣльнаго паспорта (это—послѣ побоевъ тещи). „Хороши жены христіанскія,—какъ пишетъ (имярекъ) отецъ церкви“, „хороша семья у христіанъ, не языческая, не жидовская“. Прерываю разсказъ и продолжаю разсужденіе. Въ библейскія времена полигамія (наше главное, главнѣйшее „прелюбодѣяніе“, почти единственно и фигурирующее на духовномъ судѣ) не запрещалась, полиандрія (фактическая, т.-е. все равно, если замужняя тайно отдавалась кому-нибудь) страшно наказывалась: отчего?!!! Да оттого, что наше „удовольствіе“, „больше или меньше его“, не играло вовсе никакой роли въ опредѣленіи понятія „прелюбодѣянія“, а единственно что имѣло

значение для этого опредѣленія—это законъ біологическій, вегетативный, продолжающій и поддерживающій основной и высшій, непоколебленный тогда еще, тезисъ: „плодитесь, множитесь, *наполните* землю“. Женатый, соединившійся съ дѣвицею или вдовою, при продолженіи супружества съ собственной женой, уменьшаетъ-ли плодородіе на землѣ? Нѣтъ! Законъ и говоритъ: „онъ—не прелюбодѣйствуетъ, это позволено“. Но когда женатый соединяется съ чужою женою? Онъ удвоенно уменьшаетъ плодородіе: 1) ибо могъ-бы оплодотворять не имѣющую мужа женщину, дѣвицу или вдову, теперь-же оставляетъ израильтянку безплодною: и такъ это грѣхъ какъ-бы подобный Онанову, воздержаніе отъ оплодотворенія; 2) онъ содѣлываетъ какъ-бы Онаномъ-же и мужа этой женщины: ибо у нея, при совмѣстительствѣ двухъ, сѣмя взаимно парализуется и она остается безплодною - же (замѣчательно, что въ нашихъ христіанскихъ семьяхъ женщины, имѣющія „друга дома“, бываютъ или вовсе безплодныя, или мало и плодородны — безъ сомнѣнія отъ случая, когда или мужъ или „другъ дома“ на время прекращаютъ свое сожитіе съ нею и она становится опять „женою одного“). Также когда юноша соединяется съ замуженю, онъ 1) теряетъ свое собственное сѣмя, нужное для свободной израильтянки, 2) парализуетъ сѣмя мужа, опять уравниваясь съ Онаномъ (въ Библии отъ того такъ подробно, по секундамъ почти и съ описаніемъ мотивовъ, описанъ проступокъ Онана, что онъ представляетъ основную схѣму, которою обнимается множество аналогичныхъ ему дѣйствій; всѣ такіе схематически-важныя или краугольные столбы и нормального, и аномального или прелюбодѣйнаго, отношенія половъ описаны тамъ подробно). Такимъ образомъ, въ мотивъ: „не прелюбодѣйствуй“ не введено 1) оскорбленіе личности супружеской четы, ибо, конечно, Богъ милосердый не допустилъ бы обиды женѣ большей, чѣмъ допускается мужу; не сказалъ бы (развѣ Еву не Онъ же сотворилъ?): „жена мужа не должна оскорблять, соединяясь съ другими мужчинами, а мужъ жену можетъ и оскорблять, соединяясь съ другими женщинами“. Чудовищно подобное предположеніе! Во-вторыхъ, вовсе не входитъ въ этотъ мотивъ, въ эту подпочву, и наше щепетильное, граждански-римское: „не развратничай!“ всегда съ отгѣнкомъ и даже съ сущностью: „гнусенъ

всякій, ищущій удовольствій“. Мотивъ этотъ, стоическій и римскій, мотивъ (у насъ) гладкихъ паркетовъ, раззолоченныхъ люстръ, парадныхъ приемовъ, гдѣ видѣ беременной женщины—недопустимъ, и проч. и проч., вовсе отсутствуетъ и былъ бы недостойнъ занять мѣсто въ святой Библии, въ книгѣ вѣчной, „книгѣ живота нашего“, въ книгѣ „благословляющей“, а не „проклинаящей“, въ книгѣ полевыхъ колосьевъ (вспомнимъ Руѣ) и утучненныхъ молокомъ стадъ! Вспомнимъ виноградную пудовую кисть, принесенную „соглядатаями“ народу; вспомнимъ жезлъ Аарона, проросшій въ Скинии! Неужели все это не символы, все это—ничто? Для женщины видѣ всякаго спора была бы также допущена полиандрія, не встрѣчай это препятствій въ самомъ процессѣ ихъ обильнаго и успѣшнаго оплодотворенія и дѣторожденія: израильтянки вѣдь такъ любили (вспомнимъ Рахиль) дѣтороженіе, любили незнакомою намъ (забытою нами?) любовью, что каждая изъ нихъ въ наслажденіи девятимѣсячною беременностью и затѣмъ хоть годовымъ питаніемъ младенца находила удовольствіе, равное съ тѣмъ, какое хоть Іаковъ находилъ отъ четырехъ своихъ (фактически) женъ. Дѣйствительно, для мужчины самою его организаціею закрытъ глубочайшій родникъ самыхъ на землѣ возвышенныхъ радостей: *настоящаго* отцовства. Мигъ одинъ,— ну, какое же это отцовство! Сравнится ли это съ материнствомъ? Давъ женщинѣ единое и бесполезно углубленное чувство, радость; отнявъ почти вовсе это чувство у мужчины (какое сравненіе!), Богъ и уравнилъ его, учтививъ, удесятеривъ, усотеривъ (Соломонъ) собственно супружеское, мужнино, несравненно бѣднѣйшее и ничтожнѣйшее, чувство. Въ сравненіи съ безконечной глубиной, психологичностью, предчувствіями и т. п. и т. п. беременности, что переживаетъ мужъ въ свой краткій мигъ? Ничто. Жалость. Нищенство. Онъ несчастенъ: тогда Богъ для уравнишенія далъ ему пустѣйшую, но усотеренную, способность находить (на мой взглядъ, довольно пустое) удовольствіе въ красотѣ, въ пластикѣ, въ граціи женскихъ лицъ, движеніи, роста. Ева ничего не говоритъ при видѣ красоты Адама; просто она ея не чувствуетъ, не замѣчаетъ. Женщины вообще неизмѣримо менѣе эстетичны (менѣе художники, менѣе эстеты) и зато неизмѣримо болѣе физиоло-

гичны, чѣмъ мужчины. Адамъ восхищается Евою; она же только чувствуетъ „влеченіе къ мужу“, гораздо болѣе простое, а въ сущности гораздо болѣе основательное и глубокое. И доньявѣ мужчины, увы, руководствуются низменнымъ этимъ чувствомъ, волнуются и бѣгутъ за красотой; тогда какъ женщины, и красивѣйшія, въ общемъ рѣдко ищутъ красоты лица или не отдаютъ этому никакого преимущества; тогда какъ сила и полновѣсность *corpus'a*, какъ и сомнамбулическое чувство крови, породы,—ими цѣнятся и выбираются. Никогда ради „противности лица“ не броситъ жена мужа (а жену мужъ по этому мотиву, хотя и рѣдко, оставляетъ: точнѣе, влечется къ новой красотѣ другого лица), но вслѣдствіе неодолимаго отвращенія къ самому „сложенію“ (*corpus'u*) мужа женщина иногда бросаетъ мужа съ силою, неодолимою ни для какого усилія. Таковъ рассказанный у г. Поселянина въ „Русскихъ подвижникахъ XIX вѣка“ случай съ юродивою Пелагеею: когда никакими муками отецъ и мужъ не могли вынудить ее къ сожителству съ случайно и неудачно выбраннымъ мужемъ. Подобные факты и по сей день встрѣчаются, не съ праведницами“ и „юродивыми“, но съ самыми обыкновенными женщинами: теорія развода должна бы на этихъ разительныхъ случаяхъ остановиться.

Духъ Библии, духъ Библии—вѣдь онъ совершенно другой, нежели какимъ мы питаемся или, точнѣе, какимъ страдаемъ. Почти весь нашъ „духъ“ типично фарисейскій, щеголеватый и неглубокій, строгій на видъ, а внутри и для себя, во въ молчаніи, податливо-снисходительный. Духъ Библии,—и все это вытекаетъ изъ основнаго благословенія человѣку,—принимаетъ скорби лишь необходимыя, вытекающія единственно изъ грѣхопаденія, и тамъ указаны какъ наказаніе: 1) болѣзнь, 2) трудъ. Ничего еще сверхъ этого, въ видѣ „бременъ тяжкихъ“, опредѣленныхъ за грѣхъ неповиновенія, не указывается человѣку Библиею; т.-е. никакихъ „бременъ“, вытекающихъ изъ сложенія цивилизаціи, изъ законодательства, изъ администраціи. Духъ Библии весь глубоко-физиологиченъ; но „никто не постигъ тайны жизни“: и отъ этого, будучи физиологичнымъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и трансцендентенъ. А также онъ и этиченъ: ибо, что мы не лучше яи „птицъ небесныхъ, ни полевыхъ лилій“, — этому

уже научилъ даже и христіанъ ихъ Учитель. Физиологія не только не противорѣчитъ этому: напротивъ! Какъ всякая мать, въ безконечномъ самоотверженіи ради дитяти уравнивается съ Сократомъ въ его самоотверженіи ради истины, съ Гракхами въ ихъ борьбѣ за бѣдныхъ пролетаріевъ Рима, такъ физиологія вообще вся, составляющая и въ материнствѣ стержень, вообще есть самый глубокой родникъ самыхъ творческихъ, самыхъ прочныхъ и самыхъ священныхъ этическихъ порывовъ. Мы только все это забыли! Мы только всего этого не помнимъ! Но Библія, съ животными во дворахъ Храма, какъ и нашъ родной Вилелеемъ,—о всемъ этомъ намъ напоминаютъ, сказываютъ. Перестанемъ бороться съ физиологіей. Все равно мы не побѣдимъ. Ибо это вѣчное и отъ Бога. Только своими усилиями мы породимъ „грѣхъ Онана“ и его аналогіи: т.-е. разольемъ отвратительный развратъ на землѣ, и въ тайныхъ частяхъ онъ такъ же убивающъ, какъ и въ явныхъ. Развѣ птомаины, въ холеру дѣйствующіе, менѣе убійственны отъ того, что ихъ никто не видитъ. Покойникъ на столѣ: вотъ все равно ихъ дѣйствіе. Также и съ „прелюбодѣяніемъ“. Надо бы зарегистрировать (какъ это сдѣлано и въ Библии) всѣ наши „грѣхи“ по этой части; всѣ перечни „ужасныхъ мерзостей, какихъ нельзя и вообразить“ (см. выше), въ которыя мы погружены, и все это напечатать, проповѣдать, какъ Іоаннъ Креститель проповѣдалъ передъ Израилемъ его грѣхи: и тогда бы мы, взглянувъ, ужаснулись: какъ много тайныхъ „птомаиновъ“ уже давно точатъ, день и ночь, древо жизни цѣлаго человечества. Кстати, и самое разсужденіе о „брачныхъ нормахъ“ было бы сколько-нибудь разумно лишь при взглядахъ на эти смертныя таблицы подлинныхъ и сущихъ и безнадежно-неистребимыхъ нашихъ грѣховъ. Тогда бы мы увидали, что самая полигамія Библии есть незначущая мелочь сравнительно съ тѣмъ, что мы ежедневно и повсемѣстно совершаемъ...

Я опять отвлекся и развлекся. 27 текстовъ съ употребленіемъ слова „прелюбодѣяніе“, приведенныхъ проф. Тихомировымъ, распадаются на слѣдующія группы:

1) Тексты, въ которыхъ ничего не говорится о смыслѣ и содержаніи этого слова: 1 (Исх. 20, 4), 6 (Вт. 5, 17), 7 (Ос. 4, 2), 8 (Іер. 23, 14), 9 (Іез. 16, 38), 10 (Іез. 23, 45), 11 (Іов. 24, 15),

15 (Иер. 23, 10), 19 (Мал. 3, 5), 20 (Ис. 49, 18), 25 (Иер. 3, 8), 26 (Иер. 9, 1), 27 (Иез. 23, 37).

2) Тексты, въ которыхъ словомъ этимъ запрещаются нормальныя половыя отношенія съ чужою замужнею женщиною: 2—5 (Лев. 20, 10), 16 (Ос. 3, 1), 17 (Ос. 4, 13), 18 (Ос. 4, 14), 23 (Иез. 16, 32: самый главный текстъ), 24 (Ис. 57, 3).

3) Тексты, которые могутъ обнимать и нормальныя и ненормальныя отношенія, и вообще не противорѣчатъ моему утвержденію: 12 (Пр. 6, 32), 13 (Иер. 5, 7); 22 (Иер. 23, 23).

4) Текстъ, явно указующій неестественное раздраженіе: (Иер. 3, 9) (у г. Тих-ва № 14): „И произошло то, что явнымъ блудодѣйствомъ она осквернила землю и прелюбодѣйствовала съ камнемъ и деревомъ“.—Я не рѣшаюсь прибавить сюда, но сюда можно отнести и текстъ № 21, (Пр. 30, 20): „Таковъ путь жены прелюбодѣйной“: поѣла, обтерла ротъ свой и говоритъ: „я ничего худого не сдѣлала“.—Вспомнивъ извлеченіе изъ древняго „Требника“, нужно признать вообще крайнюю старину, древность и распространенность тѣхъ излишествъ, какія обычно мы приписываемъ изобрѣтательности новыхъ временъ. Въ „Судебной гинекологии“ д-ра Вл. Мержеевского мнѣ приходилось встрѣчать описаніе чрезвычайныхъ неестественностей, которыя буквъ этого текста удовлетворяютъ. Вообще едва ли кто станетъ спорить, если я спрошу прямо: а отступленія отъ нормы куда отнести? Никто не возразитъ, что—„къ прелюбодѣянїямъ“. Мнѣ, кажется, что разъ „бракъ“ есть только извѣстная „форма половой связи“, положимъ „одного съ одной“, то онъ есть нѣчто вторичное и послѣдующее въ отношеніи къ единичному акту. И, конечно, должно сперва явиться нѣкоторое мнѣніе объ этомъ единичномъ, объ естественномъ и неестественномъ въ немъ, о дозволенномъ и недозволенномъ: и уже позднѣе является и сужденіе о естественномъ и неестественномъ, о дозволенномъ и недозволенномъ въ бракъ (въроломство, измѣна).

Что касается указанныхъ на стр. 768 и 769 случаевъ нормальнаго отношенія „съ женою отца своего“, „съ женою сына своего“, „съ сестрою“, „съ тетками“ и „невѣстками“, то мотивъ запрещенія въ первыхъ двухъ случаяхъ, гдѣ идетъ рѣчь о сопряженїяхъ съ замужними, подходит подъ

общую категорію запрещенности вообще всего, что ведетъ къ парализаціи сѣмени, при чемъ здѣсь утягчается все дѣло тѣмъ, что это какъ бы убійство наносится родственнику (отцу сыномъ, сыну—отцомъ) и вноситъ вообще разладъ въ домъ, ревнованіе столь близкихъ родственниковъ и т. д. Въ остальныхъ же случаяхъ, т.-е. гдѣ собственно запрещенъ бракъ съ дѣвцами (или вдовами) родственницами: то настоящій мотивъ этого неразъяснимо далекъ и теменъ отъ насъ, христіанъ. Мнѣ въ одномъ изъ каталоговъ привелось прочесть, что въ караимской литературѣ (старой и рукописной, конечно) существуетъ „знаменитый трактатъ, посвященный разсмотрѣнію кровосмѣшенія“, а въ Талмудѣ (который составителями его вѣдь предполагался къ вѣчному устному и тайному сохраненію среди слушателей) говорится въ одномъ мѣстѣ, что „законы кровосмѣшенія не истолковываются разомъ многимъ, но только вдвоемъ или втроемъ. Колесница (т.-е. видѣніе Іезекииля) — только вдвоемъ, и то если толкующій увидитъ, что другой уже понимаетъ это мѣсто, и не болѣе, чѣмъ вдвоемъ истолковывается сотвореніе міра, т.-е. Быт. I“. Евреи, очевидно, имѣли секретъ крови (вспомнимъ жертвоприношенія), владѣли тайною органическаго сложенія (новообразования, зачатія или полового сопряженія) и разложенія (бѣгства отъ сопряженій, неодолимаго естественнаго отвращенія къ такому-то сочетанію). Мы этого не только не знаемъ, но никогда наука наша и не поднимала вопросовъ, сюда относящихся; отчего и „наблюдаемыя при бракѣ степени родства“—у насъ исчислены едва ли не просто только по подражанію евреямъ (въ Библии) и римлянамъ (язычники, и то же имѣвшіе жертвоприношенія и можетъ быть кой-чѣмъ владѣвшіе изъ древнихъ знаній объ органо-агоменіи); „такъ“—де цивилизованные и священные народы поступали: поступимъ и мы такъ“. А что мы вовсе этого не постигали, видно изъ прибавки сюда „степеней свойства“ и отношеній „духовнаго родства“, какъ препятствій же къ браку: что уже вовсе никакой связи съ органо-твореніемъ не имѣетъ. Обычный мотивъ или лжемотивъ, что это сдѣлано и нами въ виду сохраненія силы и чистоты породы людской, опровергается: 1) болѣе сильною порокою и изобиліемъ духовной даровитости какъ разъ у евреевъ, нѣмцевъ и англичанъ, у которыхъ браки заклю-

чаются въ ближайшемъ, нежели у насъ, родствѣ; 2) историческимъ опытомъ египтянъ, людей поразительной жизненности и красоты, у которыхъ браки заключались въ степеняхъ еще болѣе близкихъ, чѣмъ у евреевъ; и 3) опытомъ вообще извлеченнымъ изъ наблюденій надъ органическимъ міромъ, гдѣ постоянныя дѣленія—размноженія (=не родственные браки) черезъ извѣстные, довольно продолжительные сроки или останавливаются вовсе и ведутъ весь родъ существъ (*genus, generatio*) къ вымиранію, или возобновляются въ силахъ черезъ одно соединеніе—размноженіе (=родственный бракъ). Такимъ образомъ бракъ вообще есть органическое разложеніе; но одинъ разъ черезъ 80 (приблизительно) поколѣній оно требуетъ обратнаго, субъективнаго синтеза. Этимъ объясняются и въ человѣчествѣ, при всемъ запрещеніи законовъ и религіозномъ страхѣ, какъ бы узловыя бури, раздражающіяся въ рѣдчайшихъ точкахъ человѣческаго протяженія, гдѣ кровь получаетъ обратное обычному и вѣковому теченію, какъ бы „Волга-матушка вверхъ побѣжала“, что-то въ родѣ Малыштрема крови (см. случай между Аммономъ, братомъ Авессалома, и Фамарью, когда онъ „похудѣлъ, пересталъ ѣсть и слегъ въ постель“ не отъ любви романтической къ Фамари, но отъ неодолимаго влеченія къ соединенію съ нею). Рѣдко кто изъ русскихъ обращалъ вниманіе, что одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ поэтовъ второй половины XIX-го вѣка, при томъ поэтъ рѣдкаго благородства чувствъ и религіозности настроенія, почти не замаскировывая рассказываетъ въ автобіографіи, что онъ происходитъ отъ соединенія единокровныхъ и единоутробныхъ брата и сестры (египетское сочетаніе), причемъ въ рассказѣ съ глубокою нѣжностью говоритъ объ обоихъ этихъ своихъ родителяхъ, не называя никакъ своего фиктивного отца, очевидно взятаго забеременѣвшею сестрою только для сокрытія истины ея отношеній къ брату. Съ нимъ же она не разставалась и во все остальное время жизни, по свидѣтельству сына-поэта. Но я оставляю эту тему по ея, повторяю, неизслѣдимости для христіанъ (безкровныя жертвы, отсутствіе чувства крови).

Что касается развода—вѣчная *quaestio sexata* у христіанъ—то хотя въ текстѣ Торы не уставлено права жены требовать себѣ развода (замѣчаніе проф. Тихомирова), но толкователи

Торы, все же вѣдь великіе и компетентные хотя бы по духу родства и непрерывности у нихъ традиціи, восходившей до подножія Синая, очень скоро установили и для жены право требовать разводъ, притомъ по множеству „на нашъ взглядъ самыхъ ничтожныхъ поводовъ“ (мой тезисъ; въ статьѣ моей перечислены эти поводы). Почему? и правильно ли? По крайней мѣрѣ на столько же правильно, какъ и развитіе у христіанъ вообще всѣхъ сложныхъ и разнообразныхъ институтовъ монашества, хотя въ Евангеліи нигдѣ нѣтъ текста: „будьте монахами“; развитіе этихъ институтовъ просто на основаніи общаго дѣвственнаго духа Евангелія, общихъ дѣвственныхъ стремленій ап. Павла. Общее всегда подчиняетъ себѣ части, какъ идея организма, физическаго или духовнаго, управляетъ органами. Библейскіе люди до чрезвычайности ясно чувствовали, что *чистота* семьи есть не главное только, но единственно-главное условіе рѣшительно всѣхъ ея качествъ, моральныхъ и физическихъ, святыхъ и біологическихъ. Подобно или очень близко къ тому, какъ сейчасъ хирургія кричитъ: избѣгать бы *микробовъ*, съ *остальнымъ*—мы справимся. Евреи и поняли, что *асептика* и *антисептика* брака (абсолютная не зараженность)—есть все въ немъ; безъ соблюденія чего—всему ему не быть. Инстинктъ чадородія дѣйствуетъ съ постоянствомъ и всеобщностью закона тяготѣнія, но если бы онъ не осложнялся *выборомъ*, онъ вообще былъ бы механическимъ и мертвымъ закономъ, а не органическимъ, не человѣческимъ, не нравственноличнымъ. Тогда и множились бы люди какъ микробы и во всякомъ случаѣ какъ скоты. Выборъ „нравится“ и „не нравится“ есть такимъ образомъ единственный, въ реальной природѣ вещей лежащій инстинктъ, дѣйствіемъ коего половая человѣческая связь и возвышается надъ животною, надъ просто-органическою. Вотъ почему губительно (да и безсильно) возстаніе нашихъ учреждений, законовъ и особенно духовной литературы противъ: „нравится“—„не нравится: ибо гася или отнимая право на это у людей, они гасятъ великое начало личности въ супружествѣ, гасятъ „искру Божію“ въ бракѣ, сталкивая половыя отношенія въ низину уже одной „потребности“, въ аморфность, безвидность (вспомнимъ „идеи“ какъ „виды“ у Платона). Итакъ, женщина, имѣя свое вѣчное „нравится“—„не нравится“ (большею

частью не къ лицу, а къ крови и *conpris*'у своего „ишь“а, „своего мужчины“, ея „мужа“), во всѣхъ случаяхъ неудачнаго полового сложенія сейчасъ же и еще у подножія Синая и при самомъ Моисей началъ „вѣроломствовать мужу“, „прелюбодѣйствовать“,—заводя „друзей дома“ какъ въ Петербургѣ и Парижѣ. Это было и останется всегда: такъ какъ вѣдь бракъ „послѣ“ крови, „изъ“ крови и навсегда эта материнская „кровь“ будетъ управлять сыномъ - бракомъ, а дитя-бракъ никогда не будетъ и не сможетъ управлять „матушкою-кровью“. Жена Константина Великаго знала строгость мужа, уже повелѣвшаго казнить роднаго сына за связь (предполагаемую) съ мачихою: и однако—при такомъ-то страхѣ!—она соединилась въ своемъ родѣ съ „пѣвцомъ на эоловой арфѣ“, съ наѣздникомъ цирка (въ то время — величайшая поэзія) и была за это строгимъ супругомъ своимъ испечена живою въ раскаленной банѣ. Въ своемъ родѣ—„Фаларисовъ быкъ“. Изъ этого и изъ безчисленныхъ примѣровъ, въ исторіи разсѣянныхъ, мы можемъ усмотрѣть, насколько вообще безсильна всякая и огненная и водяная и желѣзная мука, въ клещи которой зажималась любовь; вздыкала, умирала—но и умирая „любила того, кто любитя“, и „не любила того, кто не любитя“. Но, по - моему, это - то и отдѣляетъ любовь отъ „безвиднаго“ тяготѣнія, человѣка—отъ „безличнаго“ минерала, и кладетъ перегородку между домомъ терпимости, гдѣ сходятся „не взирая на лицо“ и семьею, „священнымъ“ бракомъ, гдѣ личность—безполезна... Евреи, вѣроятно чрезвычайно скоро послѣ Моисея, видѣли, что они поставлены между двумя альтернативами: 1) или удержатъ чистоту семьи черезъ дачу обѣимъ сторонамъ права требовать развода при отсутствіи наличнаго „нравится“, или 2) удержатъ право это только за однимъ мужемъ, и зато примириться (фактически) съ вѣчными измѣнами женъ, „прелюбодѣянiемъ“ ихъ, т. е. съ совершеннымъ разрушенiемъ чистоты семьи и какого - нибудь смысла въ бракѣ. „Нѣтъ, если Господь установилъ размноженіе, Моисей — учредилъ бракъ: то должны быть поставлены и столбы подъ это учрежденіе, поставлень заборъ вокругъ этого размноженія. Надежныя же столбы и не переступаемый заборъ едино содержатся въ любви самихъ супруговъ: безъ которой пусть и не будетъ ничего“. Гдѣ любовь—тамъ завязался (фактически)

бракъ; гдѣ разлюблено: тамъ бракъ разсыпался самъ (фактически); вотъ мысль „отцовъ Великой Синагоги“, которой именно избѣжали бы они (ибо она имѣетъ свою муку), если бѣ было куда бѣжать. Много я иллюстрацій приводилъ: приведу же послѣднюю. Женщина, еще не разлюбленная, которой вовсе и не грозило оставленіе, открывъ только нѣкоторое охлажденіе мужа, поползновеніе его къ другой привязанности, ходила какъ раненая въ сердце изъ угла въ уголь, не будучи въ силахъ еще что-нибудь сказать, кромѣ „охъ! охъ!“ И ничего еще, цѣлые часы. Не страница, а десятокъ страницъ, цѣлая статья, составленная только изъ „охъ!“ Напечатайте же десять страницъ этого „охъ“, заставьте чтеца читать эти страницы, какъ Псалтирь надъ упокойникомъ, и подумайте, что каждое „охъ“ отъ того ничѣмъ инымъ и не сопровождается, что это — капля крови, изъ сердца выжатая со страшной мукой, до паралича языка, безсильного сложить болѣе сложный звукъ: и вы поймете, что значить только „заря“ развода! И такъ, говорю-ли я о немъ, потому что не знаю муки его. Слишкомъ знаю, осязаль, видѣль. И вотъ отъ того, что онъ — такая мука, такое остріе, такая кусающаяся змѣя,—люди и не возьмутъ его, повѣрьте, не возьмутъ съ легкимъ сердцемъ. Но жена Константина Великаго предпочла быть „испеченой, какъ начинка въ пирогѣ“, нежели любить мужа: а тутъ рядомъ съ змѣей лежитъ „аспидъ и василискъ“, и ужъ лучше взяться за змѣю, нежели впасть во власть „аспида и василиска“. Разводъ... всѣмъ можно дать: это раскаленная докрасна полоса желѣза. Кто ее тронетъ? Кто сколько-нибудь можетъ не тронуть—и не тронетъ въ силу его собственной природы, страшно болѣзнетворной. Но кому предстоитъ умереть—не отнимайте же у нихъ возможности спастись путемъ хватанія этой огненной вещи въ руки. „Я возвращаясь въ домъ—какъ часто ненавижу его“, сказала мнѣ одна измученная въ бракѣ женщина: „но у насъ дочь 3-хъ лѣтъ: ради этого сохраняю домъ мой“ (мужъ не отказывался дать ей разводъ, и вообще будучи очень хорошимъ человѣкомъ въ обществѣ, въ дружбѣ—дѣйствительно въ семьѣ, для жены, для хозяйства и дома былъ невозможенъ, и самъ это зналъ какъ умный и тонкій человѣкъ).

Въ общемъ я конечно уступаю г-ну Тихомирову и ввожу

въ содержаніе VII-ой заповѣди запрещеніе вѣроломства женъ; какъ онъ безъ сомнѣнія согласится со мною, и введетъ сюда запрещеніе неестественностей. И, я думаю, не откажется признать, что послѣднія представляютъ нѣчто болѣе потрясающее, пугающее и отвращающее отъ себя взоръ человѣка (и Божества?), нежели вѣроломство женъ. Но нужно помнить слѣдующее: вводитъ въ содержаніе VII-ой заповѣди то, что явно не введено сюда закономъ и что не было обличаемо ни однимъ пророкомъ и вообще ни одною строкою Библии,—невозможно, грѣхъ. Между тѣмъ это именно и сдѣлано всѣмъ духомъ, всѣмъ смысломъ, а наконецъ и законодательствомъ нашей цивилизаціи. Совершенно ясно, что VII заповѣдь *не запрещаетъ*:

1) рожденіе дѣтей дѣвицами (самый фактъ, что отъ нея родилось,—удостоверяетъ, что она достигла лѣтъ естественной зрѣлости для этого);

2) рожденіе дѣтей вдовами;

3) сожженіе женатыхъ людей съ свободными женщинами (во всѣхъ приведенныхъ, въ цѣляхъ „истолкованія“, цитатахъ проф. Тихомирова слово „прелюбодѣянiе“ ни разу не отнесено къ женатому мужчине: развѣ что онъ сближается съ замужнею).

Такимъ образомъ, теперешняя теорія и практика развода, основанная почти неизмѣнно на „уличеніи мужей“, — падаетъ: ибо и по проф. Тихомирову это не есть „прелюбодѣянiе“, а „разводиться можно только по винѣ „прелюбодѣянiя“.

Но ею, этимъ „не прелюбодѣйствуй“, столь же ясно запрещены:

1) Всѣ неестественныя отношенія, въ бракѣ и внѣ брака. И первый разрушается и долженъ быть законодателемъ расторгнуть, какъ только мужемъ на жену или женою на мужа принесена жалоба на таковой грѣхъ съ другой стороны, или даже на *склоненіе* только къ таковому грѣху (не этимъ ли объясняется особенность текста: „развѣ словесе прелюбодѣйнаго“).

2) Вѣроломство женъ.—Наказанію, одинаковому съ ними, въ видѣ ли епитимьи, денежной пени, а всего лучше—въ видѣ обязательной на нихъ женитьбы (вещь, довольно страшная для холостыхъ соблазнительей), подлежатъ и мужчины, съ которыми онѣ „пали“.

3) Преждевременное, съ несовершеннолѣтними, какое бы то ни было отношеніе на половой сферѣ. Между тѣмъ именно таковыя ужасныя развращающія проступки взрослыхъ вовсе нигдѣ не указаны въ статьяхъ духовнаго суда о бракѣ. „Мужъ долженъ удовлетворить жену разводомъ, если застигнуть свидѣтелями лежащимъ съ другою женщиною“. — А если, какъ это разъ случилось на судѣ въ Кіевѣ, притомъ съ соборнымъ пѣвчимъ, онъ о растлѣнной имъ дѣвицѣ скажетъ и докажетъ, что онъ лишилъ ее невинности не естественнымъ способомъ, а черезъ манипуляціи пальцевъ? Ужасно, что тогда произошло на судѣ: виновный былъ приговоренъ къ тремъ рублямъ штрафа за членовредительство—и затѣмъ продолжалъ спокойно пѣть въ соборѣ! Вотъ объ этомъ слѣдуетъ подумать профессорамъ каноническаго права, которымъ вообще обо многомъ еще предстоитъ подумать.

Я очень благодаренъ, что г. Тихомировъ посвятилъ внимательныя страницы вопросу и теоретически, и практически столь важному. Вѣдь разъ уже „бракъ“ есть „тайнство“, ео ipso онъ не можетъ не лежать „въ десницѣ“ церкви, и затѣмъ преимущественно — духовенства и наставителей духовенства (профессора и учителя семинарій). Мы, міръ—какъ армія солдатъ; итакъ, хлѣбъ даетъ намъ духовенство, церковь. Каковая же тревожная обязанность вытекаетъ отсюда, чтобы 1) хлѣба было достаточно, 2) хлѣбъ былъ допеченъ. Подумайте, духовные: вѣдь намъ запрещено еще откуда-нибудь получать хлѣбъ, кромѣ какъ отсюда!! Нехватка — и смерть; недопеченость—и животы болятъ. А мы „воюемъ“, у насъ—трудъ, борьба съ жизнью; тутъ не до „животовъ“, не до лѣкарствъ. Какая же, — при запрещенности-то отъ другихъ хлѣба, —должна бы быть страшная тревога у васъ о всѣхъ подробностяхъ хлѣбопеченія, о количествѣ хлѣба, о самыхъ способахъ полученія „пайка“: вѣдь армія! народъ! тутъ и глупые и злые, а ѣсть всѣмъ—и даже глупымъ, наконецъ и злымъ—хочется и хочется!! Мнѣ кажется, самые элементарныя требованія этики, хотя-бы слабый голосокъ совѣсти, долженъ былъ распространить среди духовныхъ нашихъ наставниковъ тревогу: „оставимъ всѣмъ заниматься и прежде насытимъ голодныхъ: ибо мы же имъ обѣщали: придите и насытимъ васъ, не ходите никуда еще—вездѣ погибнете отъ голода“.—Между тѣмъ въ сторонѣ отъ насъ скирды хлѣба,

но уже пріученные къ намъ обращаться, да и послѣдуюя прямымъ нашимъ запрещеніямъ, никто не идетъ туда: а когда стеклись къ намъ, мы изъ окна отвѣчаемъ: не до васъ,— у насъ есть болѣе высокія темы, напр. о томъ, какъ въспомоществовали нищимъ благотворители въ V-мъ вѣкѣ послѣ Р. X.“

В. Розановъ.
